

В. М. СТАНЮКОВИЧ

МОРСКИЕ
РАССКАЗЫ

К.М.Станюкович. «Морские рассказы» //Издательство «Юнацтва», Минск, 1981
FB2: "Ustas ", 2006-07-11, version 1.0
UUID: 9D393BEB-D573-44F7-ACBD-0C55F4948D4C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Гибель «Ястреба»
(«Морские рассказы»)

Содержание

#1	0006
I	.0006
II	.0014
III	.0018

**Константин Михайлович
Станюкович
Гибель «Ястреба»
Рассказ старого матроса
Из цикла «Морские
рассказы»**

Канунъ вѣковъ, вѣковъ, вѣковъ:
- убитъ въ битвѣ Нахъа ханума!

Небось в те поры бога-то мы вспомнили, вашешкобродие! Еще как вспомнили-то! Уж на что старший офицер был у нас отчаянный: никакого страха не имел и только, бывало, ругался да нам зубы полировал, — в старину, сами изволите знать, полировка была форменная! — а и он на тот раз вдруг в понятие вошел. «Братцы, мол, голубчики любезные!» Совсем по-другому заговорил: понял, значит, что смерть не то, что безответного матроса по зубам съездить: она сама в лучшем виде тебя съездит, сколько ты форцу на себя ни напускай. И все мы вовсе были обезнадежены тогда; прямо сказать, в отчаянность пришли; так и полагали, что всем нам будет крышка в этом самом Немецком море. Довольно даже подлое это море, вашешкобродие! Завсегда, сказывают, на нем погода. Волна какая-то шальная, безо всякой правильности бросается и мотает судно во все стороны. Оттого и качка там самая что ни на есть нудная. Крепкого человека — и того обескуражит. И видал я, по своему матросскому званию, всякие мо-

ря и окияны, а хуже этого моря нет морей... Однако господь внял матросским молитвам — матросская-то молитва шибче до бога доходит! — и вызволил. Многие которые и живы остались... Ну, да и командир-то наш, Левонтий Федорыч Белобородов — может, изволили слышать, вашескобродие? — башковатый и добрый человек был... Показал тогда себя... Не стерпел гибели «Ястреба», царство ему небесное!

И Иваныч, с которым мы жарким летним днем сидели в тенистом прохладном саду в имении моего приятеля, бывшего моряка, где старый матрос был ночным сторожем, обнажил белую как лунь голову и истово осенил себя крестным знамением.

— А случилась гибель нашему «Ястребу» в проливе, вашескобродие! — продолжал Иваныч. — Мелистый пролив... много этих самых мелей да каменьев. И берега обманные, низкие. Запамятовал, как проливу название... Память-то старая, вашескобродие! Вроде быдто Рака прозывается...

— Скагерак, — подсказал я.

— Он самый и есть... Шли мы это по нем

глубокой осенью под зарифленными парусами, а день был пасмурный... солнышка и звания не было... и погода свежая... а к вечеру и последний риф взяли для безопасности, потому как ветер во всю силу входить начал и волны вовсе освирепели, ровно сбесились... Воют воем и на «Ястреб» набрасываются. Однако конверт-то наш крепкий был, летом только что выстроен и отправлен был из Кронштадта в дальнюю на три года, — поскрипывает себе, мотаясь, как угорелый, на волнах. И ничего они с ним поделать не могут, как ни стараются. Только брызгами нас обдают... Ну и то сказать — рулевые были исправные, не зевали... Знали, что за зевки не похвалят... Хорошо. Просвистали это братья койки... Пошли, значит, мы, подвахтенные, вниз, подвесили койки и рады были после трудного дня заснуть до полуночи. Ну, известно, уставший человек лег — и готов. Долго ли спал, обсказать не могу, вашескобродие, но только вдруг меня подбросило, и я чуть не вылетел из койки. Слышу страшный треск. «Ястреб» задрожал и остановился. И тую же минуту все повскакали с коек. А уж боцман

сверху кричит в люк не своим голосом: «Пошел все наверх!» А мы и без того торопимся одеться и наверх бежать — потому все в страхе. Поняли, что на мель встали. Выскочил это я, как полоумный, наверх, к своему месту, — я марсовым служил, — гляжу — одна страсть! Ночь темная, кругом море гудит, а ветер так и ревет в снастях. А командир сам уж в рупор командует: «Марсовые, к вантам! Паруса крепить!» И голос у его успокоительный, ровно бы никакой беды и нет... Очень много было твердости в Левонтье Федорыче, вашескобродие. И дока по флотской части был, и добер был к матросу. Зря не забижал, и если наказывал, то с рассудком... А было много и таких, что без всякого рассудка нашего брата в тоску вгоняли... Было, вашескобродие! — раздумчиво прибавил старик.

Он примолк, вздохнул, словно бы сожалел о тех людях, которые вгоняют в тоску, и продолжал:

— Полезли мы, марсовые, наверх... Разошлись по реям и изо всех сил стараемся, чтобы скорей закрепить свой парус... Спустились вниз... А уж из орудия палят... Сигнал о бед-

ствии, значит, даем. И матросики уже на всех помпах стоят, воду откачивают из трюмов... А она все больше да больше прибывает... А «Ястреб» наш так и бьется, так и бьется о камень... Жутко было, вашескобродие! Однако все еще надежда есть, что откачаем воду и до утра продержимся, а там, может, и берег близко, как-нибудь спасемся... Ну, и налегаем на помпы... И холоду не чувствуем. И капитан подбадривает: «Не робей, говорит, молодцы!» Так надеялись мы до утра вашескобродие, а как рассвело, то поняли, что нам крышка. Вода уж под верхнюю палубу подошла, и через корму ходят волны... А буря не унимается, и кругом ничего не видно... Одни волны бунтуют, кружатся, и в них — смерть. А из орудий еще палят. Последние заряды расстреливают, потому вниз, под палубу, уже нет ходу. А капитан, и вахтенный, и штурман — все стоят на мостике. Левонтий Федорыч бледный как смерть и за эту ночь совсем постарел... Смотрит с тоской. И все мы с тоской смотрим. Бросили помпы и стали было готовить на случай к спуску гребные суда и вязать плот... Куда тебе!.. Вода хлынула из люков и стала заливать

переднюю палубу... Волны захлестывали... Все люди столпились на носу, потому как «Ястреб» передней частью на камнях сидел, то и выше он был, а как стало покрывать водой и верхнюю палубу, полезли все на ванты, держимся друг около дружки, и кои и на марсы забрались, чтобы смерть не достала. А она тут как тут, из воды смотрит... В отчаянности ждем мы, что вот-вот «Ястреб» сломается и мы потопнем... И батюшка нам отходную стал читать: к смерти, значит, готовить... Но не успел он окончить, как его смыло волной, и он скрылся в море... И многих, кои не успевали забраться на ванты, смывало, и они на наших глазах погибали. Жутко было смотреть, и всякий думал, что и ему недолго ждать. И кои молились, кои плакали, кои от страха сидели ровно ополоумевшие, с выпученными глазами. Два матросика с отчаянности сами в воду бросились, чтобы не томиться зря... Великое мучение послал тогда господь... Давно это было, а как вспомнишь, и то вовсе жутко... Иной раз приснится, как это мы бедовали, так в холодном поту проснешься. Несколько человек хоть и живы остались,

а рассудка навсегда решились. И каких только страстей не пришлось тогда увидеть, вашескобродие!.. Опасная эта флотская служба... Нет такой другой. На сухой пути ты, по крайности, можешь распорядиться собой, а ежели кругом вода?.. То ли дело на земле!.. И тебе травка, и тебе лес, и тебе поле, и тебе цветики... Небось, хорошо! Вот мы с вами тут сидим, вашескобродие, и чувствуем землю-матушку. Дух-то какой от цветов идет... И птаха-то как заливается, бога хвалит... И комар жужжит... И вон он муравей-то, работяга, солминку несет... Одно слово — благодать! — говорил Иваныч.

И его маленькие, все еще живые лучистые глаза любовно смотрели вокруг. И его морщинистое, сухое, отдававшее желтизной лицо было полно умиления...

Он достал из кармана широких парусиновых штанов маленькую трубку, набил ее махоркой и, с наслаждением сделав несколько затяжек, продолжал:

— А взять теперь море?.. Один в нем обман.

— То есть как обман? — спросил я, не со-

всем понимая, что хотел сказать Иваныч.

— А так, обман — как бывает в лукавом человеке... вроде здешнего управляющего! — понижая голос, вдруг добавил старик. — Небось, я его наскрозь вижу, даром что лукав... Сделай, братец, одолжение!

И только что умиленное лицо Иваныча приняло сердитое выражение, и глаза заискрились... Видно было, что у Иваныча были какие-то неприятные счеты с управляющим.

— Иной раз море ласковое такое, льстивое... не шелохнется, — а поверь-ка ему! И опять же: каждую минуту жди от него, прямо-таки сказать, подлости, вашескобродие!.. Каждую минуту имей опаску! Еще прежде, в старину, когда деревянные суда были, все еще обнадеженность могла быть в случае беды; а теперь, когда пошли эти броненосцы хваленые, попади-ка на камень, так и выскочить на палубу не успеешь, как уж на дне!

Иваныч еще несколько времени продолжал бранить броненосцы, называя их неповоротливыми черепахами, и только после моего деликатного напоминания продолжал свой рассказ.

— Сидели мы так на вантах день, холодные, голодные... Рядом со мной первогодок сидел, землячок из одной деревни, Акимка Костриков, — так тот совсем духом упал... Плачет, как дитё... А был он паренек хороший, душевный такой, только по флотской части трудно в понятие входил, и попададо ему и от старшего офицера, и от боцмана часто-таки, и очень даже довольно накладывали ему в кису. И много он терпел и жаловался, бывало, на матросскую службу и по дому скучал — по земле, значит. Ну, утешаю я землячка, говорю: «Еще, бог даст, какой-нибудь корабль купеческий мимо проходить будет, — небось, подаст помощь... подойдет... И буря, — говорю, — стихать стала. И „Ястреба“ не так бьет о каменья... Еще, пожалуй, продержится!» И как только я обнадежил его таким манером, гляжу — и взаправду на горизонте парусок белеет и идет курцом на нас... Увидали судно и другие, и вдруг, словно бы по команде, все закричали «уру», до трех раз. От радости, значит. Глядим все обнадеженные

на парус, платками машем, флагами... чтоб заметили... Акимка просто-таки обезумел... То плачет, то смеется, и сам весь дрожит, поси- нелый от холода... А вскорости обозначился бриг... Жарит под всеми парусами прямо на нас и флаг аглицкий развевается. Тут все опять «уру» прокричали... Видят — спасение близко... крестятся... А капитан с грот-марса кричит, — он туда с мостика перебрался, потому как мостик уж был под водой: «Поздравляю, ребята! Помощь близка!» И все опять «уру»... да такую громкую и радостную, что и сказать нельзя... И опять все стали махать шапками... Вот уж бриг совсем близко и спустился к «Ястребу». Видно было и капитана ихнего и матросов... Все мы замерли от радости... Ждем: вот с брига спустят шлюпки... Уж капитан наш что-то по-ихнему на бриг кричит... «Подходи, мол, ближе! спасай нас!..» Так что ж бы, вы думали, вашескобродие, сделал этот гличанин? Прошел в нескольких саженьях от нас и... только его, подлеца, и видели!.. Повернул и пошел далее и скоро пропал из глаз... Мы все только ахнули... И если б только мог слышать капитан, какими проклятия-

ми мы его провожали и как мы ругали эту собаку!.. Какая собака?.. Хуже... Зверь самый лютый — и тот жалость имеет к своему брату, а этот... Бывают же на свете такие злодеи, вашескобродие! Не помочь погибающему!.. Как только бог терпит таких дьяволов! И как этот самый капитан потом на свете жил?.. И как это матросы гличане не взбунтовались тогда против него и не заставили его помочь таким же людям, как и они сами?.. Где совесть у людей?!

Иваныч смолк, полный негодующего недоумения, видимо, и на старости лет, после долгого житейского опыта сохранивший веру в человеческую совесть и до сих пор удивлявшийся, что ее иногда не бывает.

— И, знаете ли, вашескобродие, что я полагаю насчет этих самых... что тогда бросили нас на гибель? — проговорил, наконец, он.

— Что?

— А то, что совесть их потом замучила. Без этого никак невозможно, вашескобродие. Потому, какой ты ни будь отчаянный человек, а придет время — совесть объявится. «Так, мол, и так... Честь имею явиться!..» А капитан, мо-

жет, ночей не спал... Все перед им матросики с погибающего корабля стояли. Если которого человека бог не накажет, того совесть накажет... Это верно! — убежденно промолвил Иваныч и примолк, погрузившись в раздумье.

— Ну, рассказывайте, Иваныч, дальше! —
попросил я через несколько минут.

— А дальше была, вашескобродие, одна мука. Обезнадежили мы совсем. Думали: если не потопнем, все равно голодной смертью померем. И шлюпок не было: все смыло, только капитанский вельбот каким-то чудом уцелел. Да где ему в такую погоду выгрести?.. Ветер хоть и стихал, а все же волнение было большое. Однако капитан крикнул охотников: кто, значит, желает ехать на вельботе, чтобы добраться до берега и просить помощи? А берег, как потом оказалось, был этак милях в трех. Охотников пожелало много, но только из них выбрали самых крепких семь человек, под начальством молодого мичмана... Кое-как спустили шлюпку... Отвалила и вскорости скрылась из глаз. Мы так и полагали, что потонула. Наступила ночь. Ясная была, месячная ночь. И не дай бог никому провести такой ночи! Чего, чего не было! От голода да от жажды многие кричали в бреду, как исступленные, и бросались в море. И озверение ка-

кое-то на многих нашло... Всякий хотел выше забраться и пихал один другого. А мой Акимка вовсе заоченел. Жметя, бедный, ко мне, еле держится за вантину и с открытыми глазами вовсе безумные слова безумолку говорит. Все говорит, говорит... про деревню, как там хорошо, лошадь зовет... и все это словно видит перед собой... Просто жалостно было слушать. Вижу, парень совсем пропадает. И жалко его стало. И взял я его за руку — я матрос сильный был, вашескобродие! — и потащил его наверх, на марс. Еле дотащил. А там, вашескобродие, матросы догадались и друг на дружке для тепла лежали... Так вроде как бы склад бревен. Ну, положил и я его на грудь и сам на него лег. Все ему теплее станет. И стал он понемногу отходить... бредить бросил и заснул.

— А вы, Иваныч, заснули?

— Никак нет, вашескобродие... Сна не было и очень есть хотелось... И главное — жажда... Так, кажется, за глоток воды все бы отдал... Однако терпел, потому еще во мне сила была. Но только уж смерти покойно ждал. Думаю: другие умирают... Чем же я лучше? При-

дет черед, свалюсь в море... А жить все же хотелось.

А тут на марсе около меня рядом лежал наш же фор-марсовой Егоров. Пьяница он был отчаянный и в пьяном виде на руку нечист. И здорово его наказывали за пьянство, и били и пороли, — а он все свое: как упадет на берег — мертвецки напьется. А так человек башковатый, веселый и сердцем прост. И форменный матрос был. Он и говорит мне:

«А знаешь, Иваныч, отчего мне помирать не хочется?»

«Отчего?» — спрашиваю.

«Оттого, — говорит, — что я свинья... Деньги пропивал, а на дочку хоть бы грош. А дочка у меня без матери, беспризорная сирота, и у кумы живет. А кума сама еле с хлеба на квас перебивается. И все мне теперь махонькая Дунька на уме. Кто пожалеет ее, если отец не пожалел? Пропадет ведь!»

«Найдутся, — говорю, — добрые люди, пожалеют!»

«Едва ли, если отец родной... И знаешь, Иваныч... Если бы я спасся каким чудом, пить

бы бросил и все деньги посылал бы дочке!» — Вот ведь, вашескобродие, когда спохватился: когда смерть на носу была.

— Что ж он, жив остался? — спросил я.

— Жив... И посейчас в Кронштадте живет.

— Ну, а зарок свой сдержал?

— Еще как сдержал, вашескобродие! Просто дивился я: откуда характер у него взялся?.. Дочка вовсе другим человеком отца сделала... Ну, и потрясение, значит, на «Ястребе»... Егоров после этого долго в госпитале в Кронштадте лежал в повреждении рассудка... Через шесть месяцев только на поправку пошел.

— Ну, рассказывайте, Иваныч, как же вы спаслись?

— А через этот самый вельбот... Спасибо матросикам: не оробели, и, мичман, что с ними поехал, не оробел... Выгресли, выбросились на берег и оповестили... А мы этого и не думали в те поры. Никакой надежды на вельбот не имели... Так рассчитывали, что погиб, и ждем смерти... Прошла так вторая ночь... Рассвело... Море затихло, и солнышко светит... А мы все — как приговоренные... Нет да-

же силы, чтоб на обломках спастись... И я начал поддаваться... Ослаб... И жажда замучила... И только слышим мы, вашескобродие, что капитан не своим голосом закричал насчет питья, и насчет того, что он людей до смерти довел... Кричит бедный Левонтий Федорыч, да и шабаш! Тоже, значит, в потрясении был. И многие, которые кричали, охали, и стонали, и призывали смерть. И не обсказать, как тяжело было слушать, вашескобродие, эти стоны да крики. Вспомнишь как, и то жутко станет... Хорошо. Кричал это таким манером капитан примерно с час или с два и затих... И вдруг опять капитана крик жалобный такой... «Простите, братцы!» И вижу я — он с грот-марса вниз головой... Бросился, значит... и его волна в море унесла... Окровавленный весь был, сказывали потом матросы, кои с грот-марса видели... Царство ему небесное, голубчику!.. Добер был!

Иваныч перекрестился и продолжал:

— И вскорости после того, как бросился капитан, вижу я парус на горизонте. Думаю — обман глаз... многим в те дни все паруса мерещились... Однако нет... все увидали, и скоро

шкунка обозначилась... Идет на нас... Опять мы закричали «уру», только «ура» эта самая едва слышная была... Силы не было по-настоящему крикнуть. При последнем издыхании почти все находились и звали смерть, как вместо этого жизнь пришла!.. Шкунка подошла борт 6 борт... Повышли оттуда шведы и стали нас, как замерзших птиц, снимать да на шкунку таскать... А я, вашескобродие, от радости так-таки и заплакал. Слова сказать не могу, а плачу. И сняли с нас мокрую одежду, завернули в одеяла и положили на палубу. И стал доктор ихний с фершалом обходить нас и давали нам по капельке рому, а потом горячего супу. По самой малости давали, а то помногу нельзя, говорят... И вскорости доставили нас благополучно на берег и разместили по домам в ихнем маленьком городке; и оправлялись мы там с неделю, пока не отправили нас, вашескобродие, в Кронштадт... Только многих не досчитались... Было всех нас на «Ястребе» сто семьдесят пять человек, а осталось сто...

— А что с «Ястребом» стало?

— Потонул. Вскорости, как нас с него сня-

ли, поднялся ветер и к ночи заревел. Вот в ту ночь «Ястреб» и потонул. Уж утром его и звания не было. Только одни обломки рыбаки видели...

Иваныч умолк и стал набивать трубку.

В эту минуту в конце аллеи показался владелец имения, Петр Петрович, высокий, худой, бодрый еще старик.

При приближении его Иваныч встал.

— Садись, Иваныч... садись! — приказал ему отставной моряк.

И, обращаясь ко мне, спросил:

— О чем это вы с Иванычем беседовали?

— Он о гибели «Ястреба» рассказывал...

— Да... Ужасные были дни... Никогда не забыть их! — задумчиво проговорил Петр Петрович.

— Вы тоже были тогда на «Ястребе»?

— Был. Мичманом тогда был. С тех пор мы и приятели с Иванычем... С тех пор я и узнал, какой это человек... Он, конечно, не рассказывал вам, как тогда многих спас от смерти?

— Нет! Про себя ничего не говорил...

— Ну, конечно. Узнаю Иваныча. Он и меня спас... Я едва держался на вантах, а он меня

после земляка своего тоже на марс стащил... Да и не одного меня, а многих... Ты чего же об этом не рассказал гостю, а? — добродушно усмехаясь, спросил Петр Петрович Иваныча.

— Чего всякие пустяки рассказывать, вашескобродие! — отвечал Иваныч.

И с этими словами поднялся и заковылял по аллее.